

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

А.В. Полонская

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Романтическая героиня

Аннотация: В статье делается попытка выявления мировоззренческих концепций романтиков, которые обуславливают образ романтической героини. Мы воспользовались некоторыми идеями Фрейда и Лакана для того, чтобы проиллюстрировать романтические представления о любви, так как, на наш взгляд, и те и другие спускаются на одну и ту же глубину анализа, лишь используя различные термины. Систематическая картина, которая вырисовывается в ходе исследования, позволяет лучше понять не только закономерности построения образа романтической героини, но и время, в которое жили и чувствовали романтики.

The subject of this article is early German romanticists' philosophy of love and its concrete embodiments in German and French novels of the romantic period. We talk about the problems that the authors faced trying to conciliate the real and the imaginary and to represent happy love. We apply René Girard's theory of mimetic desire in revealing some hidden motifs of romantic desire. We try to link Freud's psychoanalysis with the romantic vision of love and to prove their close affinity.

Ключевые слова: Романтизм, любовь, романтическая героиня, Лакан, Фрейд.

Key words : Romanticism, love, romantic heroine, Lacan, Freud.

УДК: 801.73, 82.091, 82.02.

Контактная информация: Москва, Коломенский пр., 14-2, 387. тел. 8 499 612 36 39. E-mail: polonalina@gmail.com.

Словосочетание «романтическая героиня», обычно вызывает в нас относительно стандартный набор живописных и литературных ассоциаций, М.Ю. Лотман пишет об этом:

Идеал этот вызывал в сознании современников образ ангела, случайно посетившего землю и готового вернуться на свою небесную родину [Лотман, 1994, с. 65].

В этой работе наше внимание будет уделено той роли, которую романтическая героиня играет в творческом процессе художника. Под «художником» мы подразумеваем как героя, так и автора произведения. Мы увидим, как определенные качества героини обеспечивают функционирование творческого процесса в романтизме.

В самом общем виде идеал романтической любви, сформулированный ранним немецким романтизмом, состоит в мистическом единении со вселенной / Богом, через любовь к возлюбленной. Фридрих Шлегель определяет любовь как «онтологическое самоутверждение человека, одновременно растворяющегося во вселенной и выделяющегося из неё во всей для него, человека, возможной определенности и целостности. Ничто иное в мире, кроме любви, не способно дать человеку возможность осуществить это» [Философия любви, т. 1, 1990, с. 124]. С дру-

гой стороны, вопрос о сохранении индивидуальности, столь ценимой романтиками, остается проблематичным. В «Теории человека» Фр. Шлегель пишет:

Однако влечение к самости и индивидуальности занимает все же подчиненное место в земном элементе; в восходящем развитии оно должно постепенно растворяться в любви, ограниченная индивидуальность (Persönlichkeit) должна отпасть, и все возвратиться в единство [Там же, с. 286].

Это состояние слияния с миром, *Weltgefühl*, сродни религиозному экстазу, ведь любовь и есть, в каком-то смысле, религия романтизма. В работе «Недовольство культурой» (1930), рассуждая о религиозности, Фрейд объясняет «ощущение вечности», «океаническое чувство» неотделимости «Я» от внешнего мира, как регрессию к восстановлению первичного нарциссизма, то есть к той эпохе, когда плод пребывал в материнском чреве, а также в первый период младенчества, когда ребенок еще не ощутил свою отдельность от объектов внешнего мира и, прежде всего, от матери. Аналитик Анни Райх, ссылаясь на «океаническое чувство» Фрейда, приравнивает его ещё и к оргазму, используя при этом понятие *unio mystica*, близкое и романтикам [Balint, 1992, p. 74]. Фрейд в статье «Зловещее» (1919) говорит о фантазии пребывания в материнской утробе, как о зловещей *unheimlich*, так как это возвращение к тому, что некогда было родным, *heimlich*, но затем было вытеснено. Зловещность, которая присутствует или может присутствовать в переживании романтического слияния возможно, и есть то, что защищает от непереносимого наслаждения, которым было бы фрейдовское «возвращение на древнюю родину»¹ или слияние с первичным Другим (матерью) уже в терминах Лакана, то есть смерть. Жорж Батай в «Истории Эротизма» (1957), повлиявшей на Лакана, пишет об укорененности связи сексуальности и смерти в языке, указывая на французское выражение *petite mort*, маленькая смерть, означающее «пароксизм сладострастия» [Батай, 2007, с. 141], а также *tristia post coitum*. Возможно, романтическое понимание смерти как «романтизированного принципа нашей жизни» [Литературные манифесты западноевропейских романтиков, 1980, с. 105], по словам Новалиса, и прочие демонические мотивы могут быть отчасти связаны с тем, что и романтики ощущали направленность идеального любовного слияния «по ту сторону принципа удовольствия». Вот как Мадам де Сталь пытается теоретически обосновать это чувство:

В душе живет глубокое убеждение, что за любовью следует небытие, ничто не сможет заменить пережитого, и это убеждение заставляет думать о смерти даже в самые счастливые минуты любви. [Там же, с. 368].

Романтическая любовь, как и христианская религия [Chateaubriand, 1835, p. 334], по мнению романтиков, характеризуется чувством «тоски по бесконечному» [Шлегель, 1979, с. 182], которое должно соединить любящих и затем быть преодолено в их соединении:

Лишь в ответе своего Ты может всякое Я полноценно ощутить свою бесконечность. [Там же].

До встречи с возлюбленной романтический герой ощущает себя неполноценным, неполным, пребывает в состоянии тоски, *vague des passions* или *Sehnsucht* и

¹ Замечательно, что из непосредственной логики статьи Фрейда явствует, что любовь как возвращение «на древнюю родину» неизбежно должна быть зловещей [Фрейд, 1995, с. 277].

должен обрести себя через любовь к Ней. Фридрих Шлегель пишет о терзаниях Юлиуса, героя Люцинды:

...никогда еще его представления о совокупности своего «я» не были столь недостаточными. [Там же, с. 165].

Только полюбив Люцинду, Юлиус ощущает цельность своей личности:

Он чувствовал, что никогда уже не утратит достигнутой цельности, загадка его бытия была разрешена <...> в любви. [Там же, с. 176].

Если принять точку зрения классического и лакановского психоанализа об иллюзорном или воображаемом представлении о цельности собственного «Я», то некая «неполнота» есть неотъемлемая часть человеческого существования. Субъект фрустрирован, потому что он отчужден от своего желания как желания Другого, он постоянно ощущает некую «нехватку» как причину своего желания, названную Лаканом *objet petit a*. Таким образом, романтическое стремление дополнить себя до «полноты личности» [Гёррес, 1990, с. 267] выглядит вполне естественным, но принципиально невозможным, если только не ценой регрессии к первичному нарциссизму, то есть к смерти или шизофрении. С другой стороны, мы предлагаем провести аналогию между романтической «неполнотой» и «отсутствием представления о совокупности своего я», как физического тела, то есть сравнить романтического героя с младенцем, только вступающим в стадию зеркала, согласно теории Лакана. Узнавая свое отражение в зеркале, ребенок в возрасте 6-18 месяцев постепенно постигает целостность своего тела, при этом он нарциссически заворочен другим в зеркале, о чем свидетельствует мимика озарения. С этого момента действительно возникает собственное Я субъекта, обладающее, однако, «отчуждающей функцией», так как отражение самого себя усваивается ребенком как «образ формы другого» [Лейбин, 2006, т. 2., с. 438]. Философ и психоаналитик Айтен Юран на основе теории Фрейда о нарциссическом выборе объекта и теории Лакана о влюбленности пишет:

Нарциссическая достройка собственного образа за счет другого в нарциссической любви дает ощущение полноты собственного бытия, ликования, радости. Именно переживанием такого ликования захвачен ребенок у зеркала, он «вне себя от радости(!)», в усвоении собственного зрительного образа в опыте нарциссического раскрытия [Юран].

На наш взгляд, опыт стадии зеркала точно описывает кульминацию романтической любви, именуемой Юран «влюбленностью». Описывая состояние души Юлиуса в поисках возлюбленной, Фр. Шлегель прибегает к метафоре влюбленного в свое отражение Нарцисса:

Так и в зеркале реки глаз видит лишь отражение синего неба, зеленых берегов, качающихся деревьев и лица самого погруженного в себя созерцателя. Если душа, полна бессознательной любви, находит там, где надеялась встретить любовь ответную, лишь самое себя, – она замирает от изумления. <...> Дух теряется и блуждает в ясных своих глубинах и, подобно Нарциссу, вновь находит себя в цветке [Шлегель, 1979, с. 180].

Фр. Шлегель, в отличие от современных психоаналитиков, позитивно относится к поиску другого в своем отражении и уверен в успехе этого предприятия.

Как мы можем заключить из продолжения начатой выше цитаты из «Люцинды», возлюбленная мистическим образом образовывается из цветка нарцисса:

Но любовь выше прелести, – и как скоро бесплодно увял бы цвет красоты без дополняющего творчества¹ ответного чувства! Этот момент, по целуи Амура и Психеи, есть роза жизни... [Там же].

Возлюбленная должна представлять собой идеал романтического героя, который он составил себе заранее:

Мужчина пробуждает свое чувство идеей; перед его фантазией реет образ возлюбленной, высокий, прекрасный, благородный;

...образ, сложившийся в уме мужчины, переходит благодаря подруге в жизнь; она же возвышается к этому образу и лепит себя, сообразуясь с ним, так что живым обликом родственной души встает перед взором мужчины то, что спало в глубине его духа [Гёппес, 1990, с. 267; 262].

Когда герой наконец-то встречается возлюбленную, начинается процесс, который Стендаль в своей «идеологической» книге «О любви» (1822) называет «кристаллизацией» [Стендаль, 2007, с. 23]. Возлюбленная и ее поступки приобретают «небесный ореол» [Там же, сноски 6], герой не просто узнает в романтической героине свой идеал, он обоготворяет ее и находит свое счастье в служении этой богине / идолу. У ранних немецких романтиков любовь становится прикладной религией, совместимой с верой в Бога. Новалис, навсегда преданный своей умершей невесте Софии фон Кюн писал:

В определенном смысле любовь – это религия, которая имеет только одного апостола, евангелиста и приверженца... [Novalis, 1953, p. 96]².

Позднее сочетание веры в возлюбленную с верой в Бога стало представляться более проблематичным, и романтики начали воспринимать свое служение как языческое и даже бравировать этим. Однако, независимо от степени еретичности романтической религии, для настоящего анализа важен момент идеализации возлюбленной, выходящий далеко за пределы «нормальной сексуальной переоценки», о которой пишет Фрейд и которая, по его мнению, свойственна мужчинам при выборе сексуального объекта. В случае романтической любви, на наш взгляд, скорее имеет место «идеализация» как возможное проявление нарциссического выбора объекта. Идеализация описывается Фрейдом в статье «Психология масс и анализ человеческого “Я”» (1921) как постановка объекта (возлюбленной) на место Я-идеала субъекта, как это происходит во время гипноза и в толпе, подверженной стадному инстинкту:

При некоторых формах любовного выбора становится даже очевидным, что объект служит для замены своего собственного недостигнутого «Я»-идеала. Его любят в силу тех совершенств, к которым человек стремился для своего собственного «Я», и которых он добивается теперь этим окольным путем для удовлетворения своего нарциссизма [Фрейд, 1991, с. 455].

Именно тотальная идеализация ведет к потере себя, о которой мы ранее говорили, как об условии успешного романтического слияния. Индивидуальность пол-

¹ Вернее «формирования, образования», Bildung на немецком.

² Здесь и далее перевод наш.

ностью растворяется в толпе, руководимой харизматическим лидером, подобно тому, как любящий исчезает в любимом.

Не только идеализация раскрывает механизм романтического чувства. Говоря о романтизме как культурной эпохе, современный французский исследователь Рене Жирар выдвигает еще одну модель, близкую фрейдовской идеализации. По мнению Жирара романтическая любовь зиждется на миметическом подражании как копированию желания Другого. Утрата традиционной веры в Бога в эпоху романтизма и непомерная личная гордость приводят к тому, что индивид находится в постоянном отношении конкуренции-подражания с Другим, которого он избирает своей моделью. Образцом-моделью романтического героя и становится романтическая героиня, которую он обожает и признает своей моделью / идеалом до тех пор, пока она будет недоступна ему в том или ином смысле. «Недоступность» героини осуществляется за счет внешнего (социальные барьеры) или внутреннего (инцест) запрета на отношения с ней, ее удаленности в пространстве или во времени. Возлюбленная может также быть «нечеловеческим партнером¹» в буквальном смысле этого слова: романтические герои влюбляются в картины, статуи, покойниц, механических кукол. В случае, если несчастная героиня погибает в ходе произведения, как обычно и случается, то подробное описание ее неземной красоты на смертном одре обеспечивает последующую любовь и верность ей героя и читателя. С другой стороны, возлюбленная может невольно или вольно мучить, и даже издеваться над героем, что подтверждает ее божественность с одной стороны, и с другой стороны, дает герою возможность испытывать мазохистское наслаждение².

Структуру романтической любви можно описать как постановку я-идеала на место объекта в терминах Фрейда или как воображаемую структуру зеркального пленения образом другого в терминах Лакана. Если в действительной жизни случай такой любви должен закончиться глубочайшим разочарованием невротика в предмете своей любви³ или усилением психоза, то в романтических романах придуманный героем идеал является ему «в реальности». Продолжим цитату из «Люцинды»:

Пигмалионово творение оживает, и восхищенного творца охватывает радостный трепет от сознания своего бессмертия ...[Шлегель, 1979, с. 182]

Мы видим, что Шлегель, на самом деле, описывает творческий процесс работы над женским персонажем, который, таким образом, является «произведением в произведении» или фантазмом романтического героя. Действительно, многие романтические произведения прямо («Сильфида» Одоевского, Полина из «Шагреновой кожи» Бальзака) или косвенно («Влюбленная покойница» Т. Готье, «Три встречи» И. С. Тургенева) описывают идеальную возлюбленную как плод воображения героя, которому в связи с этим грозит сумасшествие и смерть. Если же мы имеем дело с нечеловеческими возлюбленными, картинами, статуями, куклами, то тогда герой инвестирует их своими переживаниями, и мы опять же имеем дело с фантазмом. Но романтическая возлюбленная необязательно фигурирует в романтическом произведении как фантазм, то есть как симптом безумия героя, потому что как литературный персонаж, она является произведением искусства или результатом сублимации, если воспользоваться термином Фрейда. На наш взгляд

¹ Так называет Лакан Прекрасную Даму в кургуазной поэзии [Лакан, 2006, с. 196].

² См. вышеприведенную цитату мадам де Сталь.

³ Что и является темой многих романов, где развенчивается романтическая любовь или демонстрируется «истинная» т. е. низкая женская природа.

концепция сублимации полностью соответствовала романтическому мировоззрению, Новалис формулирует это так:

Облагораживание страсти при помощи использования последней как средства, путем добровольного сохранения последней, как двигателя прекрасной идеи, например, внутреннего отношения с возлюбленным я¹ [Novalis, 1953, p. 84].

Литература

- Батай Ж. История эротизма. М., 2007.
- Гёррес Й. Афоризмы об искусстве (1802) // [Философия любви](#): Сборник в 2 ч. / Сост. А.А. [Ивин](#). М., 1990. Т. 2.
- Лакан Ж. Куртуазная любовь в качестве анаморфозы // Лакан Ж. Семинар 7. Этика психоанализа. М., 2006.
- Лейбин В. Постклассический психоанализ. Энциклопедия. М., 2006. Т. 2.
- [Литературные манифесты западноевропейских романтиков](#) / Собр. текстов, вступит. ст. и общ. ред. А.С. Дмитриева. М., 1980.
- Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994.
- Стендаль. О любви. Пер. с фр. М. Левберг, П. Губера. СПб., 2007.
- [Философия любви](#): В 2 ч. / Сост. А.А. [Ивин](#). М., 1990.
- Фрейд З. Зловещее // Художник и Фантазирование. М., 1995.
- Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я» // Фрейд З. Психоаналитические этюды. Минск, 1991.
- Шлегель Фр. Люцинда // Избранная проза немецких романтиков: В 2 т. / Сост. и предисл. А. Дмитриева. М., 1979.
- Юран А. «Утраченный» аффект психоанализа // [Эл. ресурс]: Сайт психоаналитического центра «АГОРА». Режим доступа: <http://psyagora.narod.ru/affect.doc>, свободный.
- Balint M. The Basic Fault: Therapeutic Aspects of Regression. Evanston, 1992.
- Chateaubriand François-René. Le Génie du Christianisme // Oeuvres complètes, vol. XI, Paris, 1835.
- Girard R. Mensonge romantique et verite romanesque. Paris, 1978.
- Novalis. Sophie oder über die Frauen // Werke, Briefe, Dokumente. t. 3. Heidelberg, 1953.

¹ *Veredlung der Leidenschaft – durch Anwendung derselben als Mittel, durch freiwillige Beibehaltung derselben, als Vehikels einer schönen Idee, z. B. eines innigen Verhältnisses mit einem geliebten Ich. Novalis.*